

«ИНТЕГРАЦИОННОЕ УЧЕНИЕ» Р. СМЕНДА

О.Г. Субботин, БГПУ (Минск)

Имя Рудольфа Сменда (1882–1975) стоит в ряду крупнейших немецких правоведов 20 века. Опубликованный ученым в 1928 г. труд «Конституция и конституционное право» (1928) на протяжении многих десятилетий оставался объектом оживленной методологической дискуссии европейских юристов, историков и социологов. К числу учеников и последователей «школы Сменда» принадлежат такие известные в академической среде фигуры, как Г. Ляйбхольц, У. Шойнер, К. Гессе, Х. Эмке, П. Хеберле и Ф. Мюллер.

Господствующему в Веймарской республике научно-правовому позитивизму и «завуалированному социологическому позитивизму» К. Шмита Сменд противопоставил «интеграционное учение», с помощью которого пытался развить теорию государства, опирающегося на знания социологии и гуманитарной науки, а не положения нормативной дедукции. В частности, он стремился переосмыслить сущность немецкой государственной системы образца 1919 г. с позиций современной философии жизни и дать развернутое (по сути универсальное) толкование праву [1, S. 152].

Коллективные сообщества вроде федераций, равно как и органы государственной власти, являлись для Сменда не статичными, застывшими субстанциями, а смысловым выражением национального единства, находящегося в процессе перманентной функциональной актуализации, репродукции, духовного преодоления и обновления, т. е. интеграции [2, S. 18]. Соответственно в конституции юрист видел квинтэссенцию правопорядка, отражающего динамико-диалектический характер государственного бытия и его интеграционного процесса.

Федеративную теорию Сменд пытался вывести за рамки «объективистской механики и теологии», отказавшись от интерпретации федерализма исключительно как компромисса союзной и унитарной составляющих. При всем их различии функциональность и устойчивость федерации определялась взаимодействием и единством вышеназванных сил, и как раз задача теоретиков права заключалась в поиске ответа на вопрос о способе трансформации «веймарского союза» в полноценную политическую систему [2, S. 116–118].

Средством достижения интеграции, наполнявшей смыслом повседневную жизнь немецкого государственного объединения, выступали его члены, уровень влияния которых на «союз» и соответственно объем принадлежавших им полномочий зависели от персонального вклада в интеграционный процесс, а не служили отражением особых интересов и привилегий [2, S. 116–119]. Таким образом, деятельность государства подчинялась закону непрерывного обновления, основополагающей субстанцией которого выступала интеграция [2, S. 18; 3, S. 83, 4, S. 201–202]. Лишь она оправдывала существование земель, служила позитивным источником энергии и силы для всего народного сообщества, в котором регионы черпали свою (квазигосударственную) идентичность [2, S. 125–126].

Анализируя исторический опыт Германии, Сменд пришел к выводу о разрушительном влиянии на интеграционные процессы Веймарской конституции, регулировавшей отношения рейха и земель «в основном с позитивистско-правовых позиций» [2, S. 136, 223–232; 5, S. 315–318]. Конституцию 1919 г. ученый называл «политическим просчетом», отмеченным противоречиями между «нормированными задачами и легитимированными ценностями», а посему предлагал исправить ошибки через укрепление института «верности союзу», известного со времен «империи Бисмарка» и «мутировавшего» в годы республиканского правления из законного права земель на незыблемость федеративного строя в обязанность следовать установленным формам организации и поведения власти [2, S. 170; 6, S. 75; 7, S. 368]. И поскольку государство являлось «частью духовного бытия», Сменд отвергал традиционные учения с их умозрительными юридическими конструкциями и «формально-логическими представлениями» [2, S. 136]. Как раз новая федеративная теория призвана была объяснить, почему «союзная модель» является рациональной политической системой для немцев.

Учитывая перманентный характер имперско-земельных конфликтов в 20-е гг., Сменд охотно апеллировал к «славному» дореволюционному опыту, обвиняя «веймарский федеративный порядок» в разрушении интеграционного строения, заложенного Отто фон Бисмарком. Культурные различия немецких племен обуславливались, по мнению ученого, особенностями династического развития, поэтому не могли служить аргументом в пользу сохранения государственного суверенитета отдельных субъектов рейха. В то же время, Сменд считал ошибкой «чрезмерную унитаризацию» Веймарской республики, которая отягощала процесс национального единения. Недостатки существующей модели были связаны с формой союзной организации и легитимации власти, позволявшей, например, Баварию прикрывать партийно-политические интересы (псевдо)федеративными мотивами [2, S. 227–232; 5, S. 522–523].

Реакция на «интеграционное учение» Рудольфа Сменда, которое до недавнего времени считалось универсальной, допускающей различные формы толкования, представляющей «пространство для конфликта» и. в то же время, способной ограничить его жесткими рамками теорией, была весьма противоречивой [8, S. 306]. В объективе критиков находились размытые границы между государством и

обществом (в том числе индивидом), которые таили в себе тоталитарные тенденции. Ганс Кельзен назвал учение Сменда «апологией диктатуры», а Ф. Штир-Зомло – «большим заблуждением», ведущим к «философско-романтическую мистицизму», отвергающим юридическую дисциплину и превращающим ее в «политическую лже-юриспруденцию» [6, С. 86].

Сменда обвиняли в антидемократизме и излишнем консерватизме. Представитель классического позитивизма К. Шмитт классифицировал его учение как «социальное», относящееся к «специальной теории государства» [9, С. 221]. В свою очередь О. Келльройтер считал принципиальную защиту федеративного строя с учетом интеграционного потенциала субъектов бессмысленной [10, С. 26–27]. Каждую землю и принадлежавшие им полномочия он предлагал проверить на предмет возможной интеграции, называя конечной целью создание децентрализованного единого государства. А до тех пор, пока регионы стояли в стороне от процессов тесного взаимодействия и сотрудничества, господство «союза» оставалось чисто номинальным, техническим. Это касалось как парламентов, так и правительств малых земель. Наличие государственных полномочий у субъектов рейха Келльройтер оправдывал исключительно целями интеграционной политики на благо всей немецкой нации [6, С. 87]. «В процессе поляризации унитаризма и федерализма, – писал ученый, – молодежь перейдет в стан унитариев, приведет страну к совершенно иному внутригосударственному делению, отличному от чаяний старшего поколения» [10, С. 27–28].

В целом необходимо отметить, что господствующее в годы Веймарской республики учение о государстве препятствовало поиску политического консенсуса в немецком обществе. От дореволюционной эпохи оно унаследовало «позитивистско-формалистское» отношение к конституции, не выходящее за рамки юридической науки, и полемика вокруг теории Р. Сменда была тому наглядным примером [1, С. 148]. При таком подходе определяющей становилась формально выраженная воля ответственного органа власти, что на практике подрывало позиции субъектов немецкой федерации и в итоге не позволило им поставить заслон распространению национал-социализма в начале 30-х гг.

Литература

1. Robbers, G. Die Begründung des Rechts in der Weimarer Republik / G. Robbers // *Widerstand und Verteidigung des Rechts*, Hrsg. von G. Ringshausen und R. von Voss. – Bonn: Bouvier, 1997. – S. 147–158.
2. Smend, R. *Verfassung und Verfassungsrecht* / R. Smend. / München [u.a.]: Duncker & Humblot, 1928. – 178 S.
3. Smend, R. Die politische Gewalt im Verfassungsstaat und das Problem der Staatsform / R. Smend // *Staatsrechtliche Abhandlungen und andere Aufsätze. Rudolf Smend zum Goldenen Doctorjubiläum überreicht von Schülern und Freunden, 1904–1954*. – Berlin: Duncker & Humblot, 1955. – S. 68–88.
4. Koriöth, S. Integration und Bundesstaat. Ein Beitrag zur Staats- und Verfassungslehre Rudolf Smends / S. Koriöth. – Berlin: Duncker & Humblot, 1990. – 332 S.
5. Holste, H. Der deutsche Bundesstaat im Wandel (1867–1933) / H. Holste. – Berlin: Duncker & Humblot, 2002. – 580 S.
6. Oeter, S. Integration und Subsidiarität im deutschen Bundesstaatsrecht. Untersuchungen zur Bundesstaatstheorie unter dem Grundgesetz / S. Oeter. – Tübingen: Mohr Siebeck, 1998. – 655 S.
7. Anschütz, G. Die Reichsaufsicht / G. Anschütz // *Handbuch des deutschen Staatsrechts: in 2 Bd.*; hrsg. von G. Anschütz und R. Thoma. – Tübingen: Mohr, 1930. – Bd. 1. – S. 363–377.
8. Ladeur, K.-H. Postmoderne Verfassungstheorie / K.-H. Ladeur // *Zum Begriff der Verfassung. Die Ordnung des politischen*, hrsg. von U.K. Preuß. – Frankfurt am Main: Fischer, 1994. – S. 304–331.
9. Schmitt, C. Der Hüter der Verfassung / C. Schmitt. – Archiv des öffentlichen Rechts – Bd. 16 (N.F.) – 1929. – S. 161–237.
10. Koellreutter O. Integrationslehre und Reichsreform / O. Koellreutter. – Tübingen: Mohr, 1929. – 28 S.

РЕПАРАЦИОННЫЙ ВОПРОС НА ЛОЗАННСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1932 ГОДА ПО МЕМУАРАМ ФРАНЦА ФОН ПАПЕНА

А.А. Денисевич, БГПУ (Минск)

Урегулирование репарационной проблемы стало одной из самых важных внешнеполитических задач для правительства Франца фон Папена в период мирового экономического кризиса. Это вопрос должен был решиться на Лозаннской конференции, которая начала свою работу 16 июня 1932 г. Председателем ее был избран английский премьер-министр Рамсей Макдональд.

Следует отметить, что Франция была согласна на уменьшение репарационных выплат, но не на их аннулирование. США также выступали против отмены репараций, рассматривая их как долги военного времени. Англия же, напротив, настаивала на прекращении репарационных платежей. Англичане предпочитали видеть Германию стабильной страной, способной противодействовать французским планам в Европе. Немецкая позиция сводилась к следующему: прекращение репарационных платежей; отмена статьи № 231 Версальского договора, которая возлагала всю вину в развязывании Первой мировой войны на Германию; равноправие в вооружениях.